

**ПСИХОЛОГИЗМ КАК ВЕДУЩИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ
ИЗОБРАЖЕНИЯ ВОЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПРОЗЕ
В. ГАРШИНА И С. КРЕЙНА**

З. И. Третьяк

*Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
Полоцк, Беларусь, zoya.tretyak@rambler.ru*

В статье в компаративном ключе рассматривается проза В. Гаршина и С. Крейна на военную тематику. Определена роль приема психологической интроспекции, позволившего зафиксировать работу сознания персонажей, переживающих столкновение с военной действительностью. Выявлено, что, несмотря на применение различных форм данной интроспекции (повествование от первого либо третьего лица), авторы преследуют схожую цель: рассказать о процессе самопознания, ускоренном экстремальной ситуацией, связанной не только с пребыванием на поле боя, но и с противодействием массовым стереотипным представлениям о доблести и долге.

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительный метод; психологизм; военная проза; В. Гаршин; С. Крейн

**PSYCHOLOGICAL INTROSPECTION AS THE LEADING
ARTISTIC PRINCIPLE OF MILITARY REALITY DEPICTION
IN V. GARSHIN'S AND S. CRANE'S PROSE**

Z. I. Tratsiak

*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk,
Polotsk, Belarus, zoya.tretyak@rambler.ru*

The article examines V. Garshin's and S. Crane's war-themed prose in the comparative manner. The role of the psychological introspection technique is determined. It allowed to record the work of characters' consciousness experiencing a collision with the reality of war. It is revealed that, despite the use of various forms of this introspection (first or third person narration), the authors pursue a similar goal: to tell about the process of self-study, accelerated by an extreme situation associated not only with being on the battlefield, but also with counteracting mass stereotypical ideas about valor and duty.

Key words: comparative-contrastive method; psychological introspection; war prose; V. Garshin; S. Crane.

Сравнительно-сопоставительное рассмотрение национальных литературных традиций имеет ряд сложностей, одной из которых является

отбор тех художественных феноменов, которые адекватно охарактеризуют как типологические и генетические схождения, так и специфические черты конкретных произведений либо творчества определенных авторов. В результате подобного изучения внешне разнородных явлений исследователь переходит на уровень обобщений, затрагивающих функционирование литературных течений и направлений конкретной эпохи либо литературного процесса в целом. Согласно наблюдениям И. Неупокоевой, сравнительно-сопоставительный анализ стимулирует «внимание не только к тем явлениям и процессам, которые при изолированном изучении одной национальной литературы могли казаться относительно второстепенными; лишь при многократном наблюдении они выявляют свое значение» [8, с. 99].

Вторая половина XIX в. становится особым этапом в развитии европейского и американского искусства слова на военную тематику. Трансформируясь под воздействием экстралитературных факторов (новации в стратегии и тактике ведения боевых действий, научно-технические открытия, развитие медицины, изменение представлений о функционировании человеческой психики), проза и поэзия о войне приобретают те черты, которые знакомы читателю по произведениям, раскрывающим сущность тотальных вооруженных конфликтов XX в., радикально изменивших исторический и культурный ландшафт многих стран (В. Гаршин в рассказе «Трус» (1879) отмечал: «Мне кажется, что нынешняя война — только начало грядущих» [1, с. 55]). По мнению П. Топера, «вопросы войны и мира были животрепещущими для современников этой бурной эпохи [второй половины XIX в. — З.Т.], в духовной жизни которой идеи вечного мира как идеала будущего противостояли утверждению вечной святости войны как божественного установления <...> Мысль о противоестественности войн занимала многие передовые умы того времени, догадывавшиеся об их связи с общественным устройством» [9, с. 20].

Основой для сравнительно-сопоставительного рассмотрения прозы В. Гаршина и С. Крейна послужил ряд факторов. Первостепенным является стремление русского и американского авторов минимизировать «возможность художественной реабилитации насилия через обращение к возвышенной „поэзии войны“ или романтическому экстазу „упоения в бою“» [5, с. 32]. Несмотря на то, что объектом осмысления стали различные по своей исторической природе Русско-турецкая война (1877–1878) и Гражданская война (1861–1865) в США, наследие писателей демонстрирует ряд аналогий: рассмотрение событий вооруженного конфликта с позиции его рядового участника, наделенного склонностью к глубокой саморефлексии, апробация различных приемов художественного психологизма, дегероизация военной реальности, переход от конкретно-исторического антуража к размышлениям общечеловеческого плана.

Подчеркнем, что интерес к военной тематике связан с жизненным путем художников слова. Для В. Гаршина боевые действия — неотъемлемая часть личного опыта (в качестве вольноопределяющегося пошел в армию, принимал участие в войне с Османской империей, был ранен). В письме матери, датированном маем 1877 г., он пишет: «это такая хорошая школа, особенно для меня, которому нужно воспитание характера. Как я и ожидал, материалов для наблюдения оказалась бездна» [4, с. 328]. Для С. Крейна события 1861–1865 гг. — яркая страница национальной истории, изученной по рассказам очевидцев и различным письменным источникам. Согласно наблюдениям Г. Блума, интерес будущего прозаика к конфликту подогревался его братом Эдмундом — специалистом по военной истории, экспертом по сражению при Чанселорсвилле (30.04.–05.05.1863). Кроме того, многие из преподавателей в колледже Клаверак, где учился С. Крейн, участвовали в Гражданской войне, а позже делились своими наблюдениями с подопечными [11, р. 15–16]. Американский писатель настолько углубился в документальные материалы, что ветераны той войны, прочитавшие «Алый знак доблести», считали, что перед ними работа непосредственного участника событий (С. Крейн родился в 1871 г., а роман увидел свет в 1895 г.). Знакомство с военной реальностью для него состоялось только в 1897 г., когда в качестве корреспондента он наблюдал за греко-турецким вооруженным конфликтом.

Интересно и то, что В. Гаршин и С. Крейн неоднократно вчитывались в книги Л. Толстого, что было не банальным следованием веяниям эпохи, а внутренней необходимостью. В. Фаусек, вспоминая о жизни и творчестве В. Гаршина, заметил: «Властителем его дум был Лев Толстой. Его произведения были для него настольною книгой, несравненным образцом художественного творчества. Человеческая жизнь, изображенная в романах Толстого, была для него как бы еще более реальной, еще более действительной, чем настоящая жизнь» [10, с. 342]. С. Крейн в письме к Г. Велшу поделился следующим: «Я пришел к выводу, что чем ближе писатель к жизни, тем более великим художником слова он становится, и большая часть моей прозы направлена на достижение цели, отчасти описываемой этим непонятым словом «реализм», которым злоупотребляют так часто. Толстой — писатель, которым я восхищаюсь более всего» (I decided that the nearer a writer gets to life the greater he becomes as an artist, and most of my prose writing have been toward the goal partially described by that misunderstood and abused word, realism. Tolstoi is the writer I admire most of all) [13, р. 232].

Показательно, что В. Гаршин и С. Крейн в качестве протагониста в рассказах «Трус», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Очень короткий роман», «Четыре дня» и романе «Алый знак доблести» выбирают

персонажа, которого можно охарактеризовать как «рефлексирующего молодого человека, томимого стремлением к познанию общего смысла жизни, чтобы в нем потопить свои личные страдания и сомнения» [3, с. 373–374]. Рефлексия такого действующего лица двунаправленная. С одной стороны, персонаж размышляет о своей роли на войне: вопрос о персональном участии в боевых действиях («Трус») или возможности дезертировать в первом же бою и заняться размышлениями о природе и последствиях такого поступка («Алый знак доблести»); рассуждения о частных физических и душевных страданиях на марше либо в бою («Из воспоминаний рядового Иванова», «Четыре дня», «Алый знак доблести»); ощущение собственной ничтожности перед лицом смерти, утратившей свой сакральный статус («Трус», «Из воспоминаний рядового Иванова», «Очень коротенький роман», «Четыре дня», «Алый знак доблести»); разъяснение своих воззрений по поводу концептуальных вопросов войны и мира («Трус», «Алый знак доблести»). С другой стороны, авторы переходят к более универсальным дилеммам, отражающим бытие современного им общества либо претендующим на общечеловеческие обобщения. Таковыми являются проблема стереотипности мышления, предопределяющей в массовом сознании восприятие категорий «доблесть», «трусость / храбрость», «свой / сослуживец», «чужой / враг», природа экстраординарного поступка на поле боя, взаимодействие ветерана войны и гражданского лица и т.д.

Сочетание указанных выше векторов рефлексии потребовало от В. Гаршина и С. Крейна обратиться к приему психологической интроспекции, позволившему углубиться во внутренний мир персонажей, изображение которого подсвечивает «изнутри» главный конфликт каждого конкретного произведения. Формы данной интроспекции различны: повествование от первого лица, где могут преобладать исповедальные мотивы, элементы внутреннего монолога и несобственно-прямой речи. Стоит отметить, что инкорпорирование в текст двух последних форм вызвало у авторов определенные сложности: мысли, воспоминания, рассуждения, наблюдения за происходящим, воспроизведенные в их ассоциативном движении, требовали отдельных комментариев со стороны повествователя, которые бы систематизировали для читателя «беспорядочные ассоциации и инкорпорировали индивидуальные смыслы, ассоциативно накапливающиеся у персонажа» [6, с. 40]. Благодаря психологической интроспекции реальность войны представала не как статичная, но детально проработанная словесная картина, ужасающая читателя натуралистическими деталями, а как динамичный поток, где не столько сменялись события на поле боя или в тылу, сколько оживал процесс самопознания персонажа, оставшегося один на один с войной, приобретающей черты технологизированного процесса.

В малой прозе В. Гаршина фигура главного героя и повествователя чаще всего совпадает, однако она не тождественна самому автору, который, говоря о своих произведениях на военную тематику, подчеркивал: «Теперь ушел в воспоминания и хочу написать несколько эпизодов из войны. Это будет настоящая проба пера, а то до сих пор все описывал <...> собственную персону, суя ее в разные звания, от художника до публичной женщины» [4, с. 332]. С. Крейн же вводит в текст фигуру повествователя, который дистанцируется от описываемых событий и бесстрастно фиксирует путь Генри Флеминга от испуганного неопита в делах войны до воина, осознавшего собственные возможности на поле боя. Два внешне различных подхода к форме изложения материала свидетельствуют о том, что авторы столкнулись с проблемой художественного осмысления феномена войны, который представлялся им не философской абстракцией, набором общественно-политических клише, объектом романтизации и героизации, а мало познанной сферой человеческого бытия, пугающей обывателя своей амбивалентностью.

В военной прозе В. Гаршина и С. Крейна повествование от первого либо третьего лица первоначально воспринимается в связи с проблемой воплощения субъективного опыта и объективного положения вещей. Формально «я»-повествователь рассматривает события на фронте и в тылу в узко-личностном ракурсе, зато рассказ от третьего лица претендует на большую объективность. Однако русский и американский писатели, стремясь к многоаспектному изображению реальности войны, избегают подобного схематизма. Поэтому наблюдения относительно бесстрастного повествователя в «Алом знаке доблести» уточняются благодаря прямой и несобственно-прямой речи главного героя, с присущей ей эмоциональностью («наилучший для него исход — получить смертельную рану и разом покончить со всеми сомнениями. Поглядев краешком глаза на смерть и обнаружив в ней одно лишь умиротворение, он вдруг страшно удивился: *как это можно приходить в такое смятение всего-навсего из-за того, что тебя убьют?* Там, где он окажется после смерти, его по-настоящему оценят. Смешно рассчитывать, что люди вроде этого лейтенанта способны понять человека с возвышенными и утонченными чувствами. Понимание ему будет даровано лишь за гробом» (*здесь и далее курсив наш.* — З.Т.) [7, с. 51]) (it would be better to get killed directly and end his troubles. Regarding death thus out of the corner of his eye, he conceived it to be nothing but rest, and he was filled with a momentary astonishment that he should have made an extraordinary commotion over the mere matter of getting killed. He would die; he would go to some place where he would be understood. It was useless to expect appreciation of his profound and fine senses from such men as the lieutenant. He must look to the grave for comprehension [12, p. 21]).

В рассказе «Четыре дня» В. Гаршина эффект объективности достигается благодаря тому, что главный герой-рассказчик вспоминает о том, что с ним произошло на войне. Временная дистанция позволяет взглянуть на пережитое «со стороны», «услышать» собственную речь, как реплику, брошенную кем-то другим: «Я помню, как мы бежали по лесу, как жужжали пули, как падали отрываемые ими ветки, как мы продирались сквозь кусты боярышника. Выстрелы стали чаще. Сквозь опушку показалось что-то красное, мелькавшее там и сям. Сидоров, молоденький солдатик первой роты („как он попал в нашу цепь?“ — мелькнуло у меня в голове), вдруг присел к земле и молча оглянулся на меня большими испуганными глазами» [2, с. 21]. В рассказе «Трус» автор задействует обе формы повествования: переход к изложению материала от третьего лица свидетельствует о том, что земной путь главного героя завершается на ненавистном ему поле боя, а идеи гуманизма и пацифизма, изложенные от первого лица, терпят фиаско. Бесстрастная фиксация момента гибели протагониста активизирует читателя, который переосмысливает позицию «труса»-гуманиста, решившего выполнить свой долг перед отчизной.

Благодаря приему психологической интроспекции возникает возможность увидеть внутренний мир отдельных персонажей в его динамике: смена настроений и ожиданий раненого, оставшегося один на один не только с врагом, который мог появиться из любой точки пространства, но и с силами природы («Четыре дня»), калейдоскоп переживаний бывшего студента, а ныне человека служивого, длительное время находившегося на марше, а потом впервые в жизни попавшего на поле боя («Из воспоминаний рядового Иванова»), исповедь «труса», то есть человека, исповедующего взгляды, далекие от массовых воззрений на воинский долг («Трус»), интенсивная деятельность сознания дезертира Флеминга, сначала обосновавшего рациональность, своевременность и правильность своего поступка, а потом с удивлением фиксировавшего, как стечение обстоятельств породило то, что в понимании большинства следует рассматривать как героический поступок («Алый знак доблести»).

Обращение В. Гаршина и С. Крейна к различным формам психологической интроспекции обусловлена желанием детально рассмотреть специфику функционирования внутреннего мира персонажа, оказавшегося на войне. Художественное осмысление экстремального события потребовало использовать те формы изложения материала, которые позволяли, во-первых, зафиксировать частный взгляд на происходящее, во-вторых, преодолеть определенную инерцию в восприятии военной действительности, увиденной исключительно сквозь призму стереотипно воспринятых категорий «добрести», «долга» и «храбрости». Личностный отклик на события войны представлен В. Гаршиным и С. Крейном с двух позиций: от

первого и третьего лица (с вкраплениями несобственно-прямой речи) соответственно. Несмотря на данное различие, русский и американский писатели преследует одну цель: детально изобразить внутренний мир человека, находящегося в кризисной ситуации, которая ускорила процесс самопознания.

Библиографические ссылки

1. *Гаршин В.* Трус // Избранное. М. : Правда, 1984. С. 54–75.
2. *Гаршин В.* Четыре дня // Избранное. М. : Правда, 1984. С. 21–32.
3. *Гаршин Е.* Литературные беседы // Избранное. М. : Правда, 1984. С. 371–374.
4. Из писем В. М. Гаршина // Избранное. М. : Правда, 1984. С. 322–336.
5. *Калинин И.* Севастополь в августе 1855. Война, фотография и хирургия : рождение поэтики модерна // Новое литературное обозрение. № 116 (4). 2012. С. 32–74.
6. *Кравченко Э.* Внутренний монолог // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Тамарченко. М. : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. С. 39–40.
7. *Крейн С.* Алый знак доблести // Крейн С. Алый знак доблести : роман; Норрис Ф. Спрут : роман. М. : Художественная литература, 1989. С. 27–148.
8. *Неупокоева И.* История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М. : Наука, 1976.
9. *Тонер П.* Ради жизни на земле. Литература и война. Традиции. Решения. Герои. М. : Советский писатель, 1985.
10. *Фаусек В.* Памяти Всеволода Михайловича Гаршина // Избранное. М. : Правда, 1984. С. 337–347.
11. *Bloom H.* The Story Behind the Story // Stephen Crane's The Red Badge of Courage. Bloom's Guides. New York : Infobase Publishing, 2007. PP. 15–17.
12. *Crane S.* The Red Badge of Courage. An Episode of the American Civil War. New York : D. Appleton and Company, 1898.
13. The Correspondence of Stephen Crane / ed. by S. Wertheim and P. Sorrentino. New York : Columbia University Press, 1988. Vol. 1.